

И Сигурд видел, что это правда. Ярлы и богатые бонды⁶ сильно отличались от обитателей низких лачуг, крытых торфом, и землянок, разбросанных по берегу фьорда. Среди этих бедняков и нищих было много калек, которые ходили, опираясь на палку, и клянчили кусок хлеба. Если они попадались на пути ярла, ехавшего со своей дружиной, он метал в них копье.

Только чудачку Ворóну ярл никогда не трогал. Ворона напоминала уродливую, подраненную хищную птицу. Она одновременно и отталкивала и притягивала к себе людей, словно загадочный дух этой усадьбы.

— Гоните её прочь! — шипела жена ярла и спускала на Ворону собак. — Чтoб я её больше здесь не видела!

Сыновьям же своим она говорила:

— Держитесь в седле прямо, дети мои! И помните: вы из славного рода!

И бедные бонды, и нищие кланялись до самой земли, когда мимо проезжали верхом сыновья ярла — цокали копыта коней, сверкало на солнце оружие и сбруя.

Так Сигурда, сына ярла, учили быть высокомерным.



У ярла было много рабов. Они начинали работать с восходом солнца и трудились, пока луна не показывалась из-за Злых Гор. Дом, в котором жили рабы, стоял в таком отдалении, что его почти не было видно; это была лачуга, сложенная из камня возле болота, где по вечерам сырой и холодный туман окутывал землю. Сигурду запрещалось приближаться к дому рабов.

— Помни, ты потомок ярлов, — говорила мать. — Держись подальше от этого сброда.

Рабы принадлежали отцовской усадьбе, как коровы, свиньи и любая другая живность. Они сливались с землёй, словно комья

⁶ Бонд — свободный член сельской общины, независимый земледелец.



глины. В серых лохмотьях, с обветренными лицами, тяжёлые, неповоротливые. Их привозили на своих кораблях викинги, возвращавшиеся осенью из походов. Иногда рабов привозили богатые торговцы и продавали вместе с другими товарами. А случалось, какой-нибудь бедняк сам приходил в усадьбу ярла и просился в рабы, чтобы не умереть с голоду.

— Если тебе нужен раб, — говорили знатные люди, угощаясь мёдом, — позаботься, чтобы он был из дальних краёв. Таким некуда бежать, их можно заставить работать до седьмого пота. Бери раба не моложе семи зим и не старше двадцати. И главное, проверь, нет ли у него какого изъяна.

Сигурд сидел у отцовских ног и слушал.

Так его учили презрению к тем, кто был ниже его.



У ярла была большая дружина. И много сундуков, в которых хранились острые мечи и боевые топоры, а также свой кузнец, чтобы ковать оружие.

— Учитесь владеть оружием, сыновья. Ваши мечи и топоры всегда должны быть острыми. Тот, кто много упражняется в военном искусстве, добудет себе золото и славу, сумеет собрать людей, которые станут охранять его владения. Пусть домоседы копаются в навозе, а мы пойдём в западные страны, где можно добыть славу и золото.

Однажды ярл позвал сыновей в гридницу⁷ и там каждому надел на шею серебряное украшение. На нём был изображён воин с двумя вóронами.

— Это Óдин⁸, — сказал ярл и пристально посмотрел на сыновей. — Один — бог храбрых воинов. Когда ветер шуршит по крыше

⁷ Гридница — большое помещение, где принимали гостей и устраивали пиры.

⁸ Один — в скандинавской мифологии главный бог, которого всегда сопровождали два ворона — Хугин (мысль) и Муниин (память). Это бог войны и смерти, покровитель героев и скальдов.



нашего дома — это Один скачет на своём жеребце Слэйпнире. Один всё знает и всё может. Он одноглазый, зато у его воронов, которые следуют за ним повсюду, острое зрение.

Ярл поднял голову и обратился ко всем в гриднице:

— Один дал мне четырёх сыновей, и мы вместе будем сражаться в его честь. Закаляйте тело и укрепляйте дух, сыновья.

Так Сигурда учили, что только сражение превращает мальчика в мужа.



Но лучше всего Сигурд познал, что такое страх. Точно чёрная птица, метался страх в его душе. Страх обволакивал Сигурда, как туман, как ночной сумрак.

— Помните, у нас есть коварные враги, — предупреждал ярл. — Такова плата за могущество и богатство. Много ненавистников точат на нас зуб. Им хочется завладеть нашими землями и кораблями, золотом и оружием. Они бы убили нас, если б могли.

Три зимы было Сигурду, когда он стал запоминать события. А может, бóльшую часть ему рассказала Эдда. Он и сам не знал этого. Но одно страшное воспоминание навсегда врезалось ему в память.

Он сидел в гриднице, был вечер. Собралось много гостей. Отец и мать сидели на почётных сиденьях и беседовали со странствующими ремесленниками. Всё было как обычно. В очаге потрескивали дрова. Среди гостей ходили слуги и рабы: разливали мёд, подносили хлеб и жареное мясо. Старшие воины играли в шашки, а из дальнего угла доносились нежные звуки костяной флейты. Там си-



дел старый Хóвард, который, после того как потерял в походе руку, только и годился, чтобы играть на флейте. Сигурда одолевал сон, он привалился к мягкой груди Эдды. Живот у него был набит тёплым хлебом и молоком. Эдда держала перед ним игрушечную лошадку и забавляла его весёлыми песенками из далёкой страны франков⁹. У Сигурда слипались глаза, и он зевал.

Внезапно снаружи послышался топот и громкие крики. Сигурд испуганно выпрямился на коленях у Эдды. Сна как не бывало. Отец вскочил и схватился за оружие. Рабыни разбежались, бросив рога с мёдом. Мёд запенился по полу.

Вскоре распахнулись настежь тяжёлые дубовые двери, и вошли воины отца. Они несли безжизненное тело, накрытое покрывалом.

Чей-то крик огласил гридницу. Неужели это кричала мать? Или Эдда? Крик взметнулся к кровельным балкам, взлетел к дымовому отверстию, в которое заглядывали холодные звёзды.

Эйрик! Убит Эйрик! Его родной брат.

Мгновение в гриднице стояла тишина. Затем прогремел голос ярла:

— Оружие! Выводите коней! Это дело рук Иллуги! Теперь не жить Тóрду, его единственному сыну!

Вскоре люди ярла были уже готовы: они вооружились боевыми топорами, копьями, облачились в рубахи из прочной бычьей кожи. Эдда бросилась к двери. Она крепко прижимала к себе Сигурда, и он чувствовал, как бьётся её сердце. Во дворе горели смоляные факелы, освещая заиндевевшие стены и белые застывшие деревья. Ярл сидел на коне во главе дружины. Озарённый светом, он поднял руку и подал знак. Копыта застучали по мёрзлой земле.

Ещё до наступления утра ярл со своими людьми убили пятерых воинов Иллуги. Но сын Иллуги, Торд, остался жив.

Поднявшись над Злыми Горами, презрительно ухмылялась луна.

⁹ Франки — группа германских племен, населявшая франкское государство (в IX веке оно занимало почти всю западную и часть центральной Европы).





С того дня спальные покои всегда охранялись воинами. Напряжённо и зорко вглядывались они в гладь фьорда, высматривая вражеский корабль. Следили за лесом, не блеснёт ли среди деревьев лезвие боевого топора или острие копья. Вслушивались в шум ветра, гулявшего между домами, стараясь уловить в нём пение тетивы. Они вглядывались и вслушивались. Чуткие, как волки. Лёжа под меховым одеялом лицом к оконному проёму, Сигурд видел чёрные силуэты воинов на фоне ночного неба и слышал позвякивание оружия, когда они прохаживались перед дверью.

Они всегда были там. Днём и ночью.

Эдда заметила, что Сигурд не спит. Она взяла кусок сермяги¹⁰ и завесила оконный проём. Оставила гореть светильник и уселась следить за огнём.

Когда Сигурд был маленький, Эдда ложилась иногда к нему под одеяло и обнимала его. Она рассказывала ему удивительные сказания своей земли, нащёптывала непонятные слова. Сигурд до сих пор помнил чувство покоя, охватывавшее его, когда Эдда лежала рядом, и сладковатый запах её кожи и волос, от которого его клонило ко сну.

Теперь Сигурд не любил вспоминать, что когда-то он был так привязан к Эдде. Она его собственность. Он получил её в дар, когда его, четвертого сына ярла Хокана, подняли на щите и нарекли Сигурдом. Среди домочадцев ярла Эдда была самым презренным существом. Ведь она была рабыня.

Сигурд помнил, как однажды спросил у Эдды, когда они лежали щека к щеке:

— Эдда, ты веришь, что за нашей усадьбой живёт страшный дракон? У подножья Злых Гор?

¹⁰ Сермяга — грубое толстое сукно или одежда из него.



Эдда ответила ему не сразу. Она прикоснулась рукой к маленькому железному крестику, который прятала под рубашкой; крестик был зна́ком той веры, которую Эдда привезла со своей родины.

Потом она повернулась к Сигурду и улыбнулась в полумраке.

— Да, я знаю: такой дракон есть. Но ты, Сигурд, непременно победишь его. Именно ты его победишь.



Всю ночь Сигурда одолевали сны, как всегда после рассказов про дракона. Под утро его разбудил громкий крик:

— Корабли во фьорде!

Ещё не проснувшись окончательно, Сигурд с улыбкой потянулся под одеялом. Всё-таки надежды оправдались. Отец вернулся из похода. По двору разносился запах жареной свинины и горячего хлеба. Заливались собаки, по крыльцу и по галерее сновали люди. За дверью Сигурд слышал радостный смех, со двора доносились весёлые звуки флейты. Так бывало всегда, когда корабли возвращались домой. Для всех это был праздник. Самый весёлый день в году!

— Почему ты раньше не разбудила меня? — закричал Сигурд на Эдду, когда она показалась в дверях. — Или ты не видишь, что солнце уже высоко?

— Я не слепая, — спокойно ответила Эдда, ставя на скамейку ушат с водой. — Но ты спал как убитый, тебя и бог грома не разбудил бы, появись он на небе. Вот тебе речная вода, промой глаза.

Эдда усмехнулась его нетерпению, когда он, сбросив с себя одеяло, голый и дрожащий, стоял посреди комнаты. Она протянула ему полотняное полотенце, чтобы он вытерся, и натянула на него белоснежную исподнюю льняную рубаху. Потом она помогла Сигурду надеть штаны и, опустившись на колени, длинными ремнями стянула его кожаные чулки. И всё время она норовила впахнуть в него кусок свежего пшеничного хлеба и заставить выпить немного козьего молока.



— Где башмаки, Эдда?

Эдда наклонилась и вытащила из-под постели башмаки, которые Сигурд, раздеваясь вечером, туда зашвырнул. Башмаки были сшиты из мягкой светлой козьей кожи и шнуровались вокруг щиколоток.

— Знак Одина, Эдда! И серебряную пряжку!

Эдда протянула ему сверкающее изображение Одина.

— Верхнюю рубаху сначала надень, а потом уже пряжку пристёгивай. Не побежишь же ты в одном исподнем.

Сигурд вертелся, переминаясь с ноги на ногу, пока она надевала на него синюю шёлковую рубаху и завязывала тесёмки у ворот. После этого она приколотла к его плечу большую пряжку в виде дракона.

— А пояс, Эдда? Да быстрее же ты!

Эдда достала из сундука пояс, отделанный серебром. Серебряные пластинки звякнули, когда она застёгивала пояс на Сигурде.

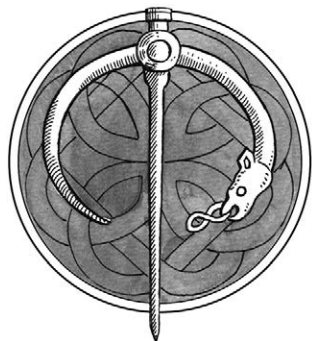
Наконец-то высвободившись из рук Эдды, Сигурд бросился к двери. Но Эдда успела схватить его.

— Да погоди же ты, Сигурд. — Из складок серого платья она извлекла костяной гребень. — Ты косматый, как медвежонок!

Ей удалось несколько раз провести гребнем по его волосам. Он вырывался и мотал головой. Чего она так копается, эта рабыня!

— Ну вот, теперь ты выглядишь молодцом, — удовлетворенно сказала Эдда. — Волосы у тебя блестят, словно шёлк!

Она стояла в дверях и смотрела, как Сигурд вихрем мчится через двор.



Корабли были уже в заливе.

Шесть больших длинных кораблей. Их уже вытащили на берег, и они походили на стаю чёрных морских птиц, погрузивших хвосты в воду. Возле кораблей толпились люди — женщины, старики, дети, которые путались под ногами у взрослых. Громкие возгласы сливались с криком чаек и ржанием коней. На кораблях кипела работа. Нужно было снять мачты, убрать вёсла и задраить вёсельные отверстия, сложить и убрать корабельные снасти. Поодаль от толпы стояла Ворона, закутанная в чёрное. Все знали, что ей здесь надо. Она ждала раненых воинов. Никто лучше Вороны не умел врачевать раны и исцелять от болезней с помощью трав и колдовского зелья.

Самым большим кораблём был дракар¹¹ с золочёной ветреницей на верхушке мачты. С дракара по сходням спустился статный, широкоплечий человек. У него были чёрные волосы и чёрная борода, щёку до самого виска рассекал багровый шрам от меча. Под мышкой он держал блестящий стальной шлем.

За воином спускались два подростка. Тоже статные и сильные, в широких плащах, с позолоченными мечами, висящими на поясе. Их ещё безбородые лица обветрились и загорели за время долгого плавания и в шторм и в зной.

— Ярл со своими сыновьями! — пронеслось среди людей, и они расступились, давая путь грозному шествию.

— Глаза бы мои его не видели, этого ярла с его воронятами, — пробормотал один из бедных бондов. — Как вернуться домой, так и пошли у нас смута да раздоры. Не по душе им, если оружие без дела лежит.

Но в такой день мало кто прислушивался к подобным речам. Люди искали среди прибывших своих близких, им не терпелось

¹¹ Дракар — деревянный корабль викингов, оснащённый вёслами и мачтой, несущей прямой парус. На таких кораблях викинги плавали вокруг Европы, в Исландию, Ирландию и даже в Америку.



узнать, что спрятано в богатых сундуках, которые несли по сходням следом за ярлом. Неудивительно, что молодых людей тянуло в походы, откуда можно вернуться с золотом и разным добром, тогда как дома приходится копаться в земле и навозе.

— Смотрите, рабов ведут! — раздался чей-то крик.

По сходням вереницей спускались люди, связанные одной верёвкой. Большинство из них были оборванные и босые. Несколько человек выделялись крепким сложением и силой; глядя на них, бонды одобрительно кивали. Будет кому обрабатывать обширные поля ярла.

Добро навьючили на лошадей, и шествие двинулось в путь. Впереди ехал ярл на своём Вороном, за ним — оба его сына на белых конях. За сыновьями — дружинники на добрых конях со звенящей сбруей, последними шли рабы, которые тащили тяжёлые мешки и сундуки и вели вьючных лошадей. Шествие поднималось вверх по крутому склону. Там, наверху, точно орлиное гнездо, взирающее на селение, находилась усадьба ярла с множеством домов и надворных построек. Взошло солнце. Золотым шаром повисло оно над чёрными горами.



Что-то дрогнуло у Сигурда в сердце при виде отца. Он и забыл, какой у отца устрашающий облик. Высокий, широкоплечий, в чёрном плаще, глубокий красный шрам на щеке. «Верно, так выглядит сам бог войны», — подумал Сигурд.

Во двор, навстречу пышному шествию, вышла жена ярла, чтобы поздравить воинов с возвращением. Она стояла прямая, гордая, и ветер трепал белоснежную шаль на её голове.

— Приветствую вас, — произнесла она. — Добро пожаловать домой, дорогие сыновья! — Но когда она подавала мужу рог с мёдом, рука её дрогнула. — Ты ранен, ярл...

Ярл рассмеялся и соскочил с коня.



— Чем же плохо, если видно, что мужчина побывал в бою! — Он залпом осушил рог. — Когда возвращаешься из похода, надо радоваться, что у тебя цела голова на плечах и руки не связаны рабской верёвкой.

Воины, окружавшие их, разразились хохотом, поднялся шум, гам, зазвенело оружие, все одновременно начали рассёдлывать лошадей, чтобы отправить их в конюшню. Поодаль ждал лучший раб ярла, богатырь Дигральде. Он ходил за лошадьми ярла.

— Как вы выросли, — сказала жена ярла, окинув сыновей взглядом, в котором светилась гордость.

— Да, уж хилыми их никак не назовёшь, — сказал ярл, улыбаясь. — Из них выйдут знатные хёвдинги.

Сигурд стоял, скрытый отцовским конём. Он выступил вперёд и выпрямился перед отцом. Тень от высокой фигуры ярла падала ему на лицо.

— А вот и я, отец. — Голос прозвучал громче, чем Сигурду хотелось.

Старшие братья первыми увидели его. Они подошли к нему и стали хлопать его по плечам.

— Что, брат, небось всё лето пряжу мотал для матери? — засмеялся один из них и скорчил Сигурду рожу.

— Или держал корову за хвост, пока Эдда её подоит? — пропищал другой девчоночьим голосом.

— Оставьте Сигурда в покое, — велела мать. Но и её рассмешили их шутки.

Наконец и ярл взглянул на младшего сына.

— Здравствуй, Сигурд! Я вижу, нос у тебя облупился от солнца. Да и росту в тебе что-то маловато.

— Наш сын не любит свинину, — сказала жена ярла и безнадежно покачала головой. — Я уж не говорю о кровяных клёцках.

— Вот я накажу Эдду, если она не будет заставлять его есть мясо.

— Зато я ем много хлеба и мёда, — вставил Сигурд. — И пью козьё молоко. — Он так разволновался, что начал заикаться. — Нет,





отец, я точно знаю, что вырос. Я это чувствую. Когда я ложусь спать, у меня в ногах даже мурашки бегают.

Братья снова расхохотались, а мать сдержанно улыбнулась.

К ярлу подошёл раб Дигральде. Он взял Вороного под уздцы, собираясь вести его в конюшню. Сигурд бежал рядом с отцом.

— Пока тебя не было, я всё время упражнялся в стрельбе из лука. Как ты мне велел. — Сигурд запыхался, но продолжал говорить: — Я хорошо плаваю, отец. Как рыба. А бегаю быстро, как олень, спроси у матери. Вот погоди, ты сам всё увидишь.

Ярл потрепал сына по голове.

— Беги играй, Сигурд. У меня сейчас много других забот.



Ярл подошёл к рослому человеку с желтоватой козлиной бородкой, в широком плаще, с витыми серебряными запястьями на руках. Это был Орм Викинг, правая рука ярла; Орм Викинг распоряжался в усадьбе и смотрел за рабами, пока ярл ходил в поход.

Вместе с Ормом Викингом ярл обошёл двор, проверил, всё ли в порядке. Жёлтые поспевающие хлеба волновались на полях, амбары были полны. Орм рассказал, что во время сенокоса люди видели на склонах медведя. Много народу было послано в лес с копьями, но все они вернулись ни с чем.

— А в остальном всё спокойно? — спросил ярл.

— Как сказать... В горах был убит твой раб, который пас овец.

— Зверь загрыз? — нахмурился ярл.

— И ещё какой! — ответил Орм Викинг. — Раба нашли со стрелой в спине. По стреле видно, чья она. Это люди Иллути.

— Негодяи, — сказал ярл. — Надеюсь, они за это заплатились?

— Мы сразу же собрали вооружённых людей с самых больших дворов. На западном склоне мы заметили всадников. Они быстро скакали прочь. Но гору окутывал туман и было слишком темно,



чтобы преследовать их. Многие считали, что у них во Фьорде Троллей¹² были спрятаны корабли.

— Видно, у Иллуги и его людей оружие всегда наготове, — сказал ярл и закрыл глаза. — Следи, чтобы усадьбу охраняли. Днём и ночью!

Ярл снял с руки золотое запястье и вложил подарок в руку Орма Викинга. Козлобородый поклонился.



Сигурд отвязал своего коня по кличке Белогривый и поскакал в лес. Он ехал по тропинке, озарённой красными и золотыми лучами солнца, пока не добрался до поляны, где стоял древний дуб с большим дуплом. Сигурд вскарабкался по стволу и, подтянувшись, уселся на ветку.

Это было его излюбленное укромное место. Здесь, среди густой листвы, можно было дать волю слезам.

Сколько раз он вообразил себе встречу с отцом. Сколько раз ему снилось, как он бежит вниз по зелёному лугу, солнце золотит склон, и воздух словно поёт. Отец, завидев его издали, тут же слезает с коня. Он подхватывает Сигурда и высоко-высоко поднимает его, глаза и губы у него улыбаются: «Сигурд, сын мой! Я вернулся. Теперь мы будем вместе. Долго-долго».

Но в действительности отец никогда не был таким. Больше всего ярла заботило, чтобы его сыновья могли прославить свой род. В груди у Сигурда заныло. Старшим братьям была по плечу такая задача. Вон они какие большие и сильные. На целую голову выше всех своих сверстников. И в борьбе храбрые, как медведи.

Когда Сигурд был маленький, он восхищался старшими братьями. Однажды он сел рядом с Трюггве и попробовал пить мёд так

¹² Троль — в скандинавской мифологии враждебный людям уродливый великан, хранящий в горах несметные сокровища.



же, как он. Увидев, как Ари режет баранину своим острым ножом, он попробовал сделать то же самое. Но мёд Сигурд пролил на рубаху, а острым ножом порезался так, что из пальцев хлынула кровь.

Братья стащили его с лавки.

— Давай-ка мы растянем тебя. Чтобы быстрее вырос.

Они схватили Сигурда за руки и за ноги. И стали тянуть и раскачивать. Когда эта забава им надоела, Сигурд, с трудом глотая воздух, упал на пол.

Потом братья решили обучать его воинскому искусству. Они бросили Сигурда в воду, ему тогда было всего пять зим. Он захлебнулся, закашлялся и замахал руками. Братья вытащили его из воды.

— Если ты не научишься плавать, мы бросим тебя в воду зимой, — пригрозили они.

— Но ведь зимою лёд... — Сигурд плакал.

— Ничего, мы прорубь сделаем, — засмеялись братья.

И они не отстали от Сигурда, пока он не выучился плавать по-собачьи.

И заставляли его бегать наперегонки. Во рту у него появлялся привкус крови, когда он бежал за старшими братьями, пытаясь догнать их.

— Ты как улитка! — негодовали братья. — Улитка и та тебя обгонит.

И прутьями стегали Сигурда по ногам, чтобы он бегал быстрее.

Потом, обхватив его мёртвой хваткой, заставляли бороться. У Сигурда из глаз сыпались искры.

— Ой, кровь!

— Подумаешь, кровь пошла из носа. Умой лицо холодной водой.

И братья тут же окунали Сигурда головой в бочку с водой. Сигурд захлёбывался и плакал. Из носа и глаз у него текло.

— Ну и воин! — громко хохотали братья...

Сигурд взглянул на свои руки. Ему минуло одиннадцать зим, и по сравнению с братьями он казался хрупким. Но, может, он ещё



вырастет, будет выше их всех. Будет сильный и храбрый. Сигурд нащупал на груди знак Одина и стиснул его в руке.

Он им ещё покажет.

Когда-нибудь они поймут, что он не даром носит имя Сигурда Победителя Дракона.

Он сидел на дереве, пока ему не стало холодно, ночь подкралась и встала у него за спиной. Злые Горы бросали мрачную синюю тень на одинокую усадьбу — Воронье гнездо, — лежащую на лесистом склоне. Отсюда он видел, как бонды потянулись с полей по домам. Дети гнали с пастбищ коров и овец. Над каждой крышей клубился густой дым. По двору ярла сновали рабыни с дымящимися мисками и горшками.

— Сигурд! — позвали оттуда. — Сигурд!

Должно быть, мать.

Он ухватился за ветку и соскользнул с дерева на землю.

И вдруг по спине у него пробежали мурашки.

Рядом в кустах что-то зашуршало. Едва слышно. Но это был не ветер и не звук шагов.

Странно.

С Сигурдом и раньше бывало такое: ему казалось, будто кто-то наблюдает за ним, когда он едет по лесу.

Он поплотнее запахнул плащ, быстро вскочил на коня и поскакал к дому.



Мать стояла на галерее такая нарядная, что у Сигурда перехватило дыхание. Синее шёлковое платье, которое ярл привёз однажды из далёких стран, лежащих на востоке, сверкающие бусы и у пояса тяжёлая связка ключей от всех дверей и сундуков обширной усадьбы. Сигурду захотелось обнять её и сказать ей, что она так же прекрасна, как сама богиня Фрейя¹³. Однако он не решился.

¹³ Фрейя — богиня любви, плодородия и деторождения.



Лицо у матери было сумрачное, как всегда: бледная кожа, холодные серые глаза. Только щёки чуть-чуть порозовели, когда она увидела сына.

— Мы всюду искали тебя, Сигурд, — сказала мать. — Ярл, твой отец, ждёт тебя в гриднице.

Сигурд последовал за матерью, и они вдвоём вошли в дубовые двери. Говор и смех сразу оглушили Сигурда, в нос ударил запах жареной свинины. В гриднице было много народу: дружинники отца с жёнами и детьми, люди из богатых соседних усадеб. Рабыни бегали, разнося нарезанное мясо, белый хлеб и кувшины с пенистым мёдом. Над очагами, в которых потрескивал огонь, жарились на вертелах звериные туши. Дым скапливался под крышей, лица гостей были почти не видны, лишь наконечники копий, скрещённых над почётным сиденьем ярла, отливали красным светом.

Могучий властитель поднялся и предложил жене место рядом с собой. После этого все гости расселись по лавкам. Только однорукий Ховард пристроился у самого очага. Ему было приятно погреть у огня спину. По обыкновению, он достал свою костяную флейту, и из неё полилась весёлая плясовая мелодия.

Сигурда посадили между братьями. Они подталкивали его и смеялись.

— Как ты тут без нас жил, братишка? Небось держался поближе к рабыням, чтобы они меняли тебе мокрые штаны?

Злость захлестнула Сигурда. Вечно они его дразнят. Он раздвинул их локтями, пытаясь освободить себе побольше места. Но братья только пуще расхохотались.

— Смотрите-ка, а блоха-то кусается. Дай-ка пощупать твои мускулы, Сигурд. Не больно-то они у тебя крепкие. Поешь свинины. Мы припасли для тебя кусочек. Ешь, ешь, тогда станешь большим и сильным.

Сигурд сидел весь красный и не поднимал глаз.

— Отвяжитесь от него, — вступилась мать. — Сигурд вырастет и станет настоящим богатырём, тогда вам несдобровать, волчата!



Она дала Сигурду баранью ногу и чашу с мёдом, которую он зажал коленями, пока обгладывал кость.

Воины хвастались и расписывали свои подвиги в походе, но ещё веселее стало, когда рабы втащили огромный чан с мёдом и поставили его перед почётным сиденьем ярла. Несколько девушек вскочили и начали танцевать. Они кружились между очагами, подпрыгивали, смеялись и вскрикивали.

Ярл подмигнул своим людям.

— Настало время делить добычу! — провозгласил он громовым голосом.

Перед ним лежала груда сверкающих украшений и золотых монет.

Дважды повторять не пришлось. Отталкивая друг друга, воины кинулись к ярлу и окружили его. Ярл наполнял золотом кожаные мешки и оделял каждого. Тяжёлую золотую гривну он надел на шею Орму Викингу, и тот с довольной улыбкой потёр руки.

Ярл поднял шкатулку.

— Я слышал, любимая жена, что, пока меня не было, ты исправно занималась хозяйством. Эти дары вознаградят тебя за твоё одиночество.

Жена ярла жадно схватила шкатулку и раскрыла её. Серые глаза внезапно ожили. Она гладила рукой янтарно-жёлтый шёлк и рассматривала на свет прозрачные голубые бусы.

— А теперь твой черёд, Сигурд! Ты даже не догадываешься, что я тебе привёз.

— Что, отец, что? — Сигурд переминался с ноги на ногу, стоя перед ярлом. — Может, щенка, как ты обещал?

Ярл разразился хохотом.

— Щенок — это пустяки! Погоди, сейчас увидишь.

Ярл протянул ему какой-то предмет, завёрнутый в красивую ткань. Сигурд осторожно развернул его. Внутри оказался нож. Стальной нож с серебряной рукояткой. Сигурд легонько провёл пальцем по лезвию. Нож был очень острый.





Отец улыбнулся, заметив удовольствие на лице сына.

— Владельцу этого ножа не хватило ума расстаться с ним добровольно. Здоровенный детина был этот франк. Носи нож и помни, что твой отец — могучий воин.

Все гости подняли свои рога за здоровье ярла.

— А теперь, — сказал ярл и хлопнул в ладоши, — сыграй нам, Ховард. Пусть нас порадует твоя флейта.

Сигурд изнывал от нетерпения. Он знал, что по возвращении из похода отец всегда поражает гостей какой-нибудь диковиной.

И сегодня в глубине гридницы открылась низкая дверь. Сначала никто этого не заметил: в гриднице было темно, лишь в очагах пылали угли. Внезапно в сумраке вспыхнул огонь, и гости в страхе вскочили, готовые бежать к двери. Но тут они увидели карлика с пылающим мечом в руке, который стоял перед сиденьем ярла. Яркий огонь озарил тёмную гридницу, и тут же в воздухе замелькали ещё три пылающих меча. Это было сущее колдовство. Поражённые гости не понимали, во сне они это видят или наяву.

Послышался раскатистый смех ярла.

— Тот, кто киснет дома, никогда не увидит, какие чудеса бывают на свете.

Он махнул рукой, и фокусник исчез так же мгновенно, как и появился.

Снова выпили за здоровье ярла.

— Бьёрн Скальд¹⁴! — раздались голоса. — Сложи хвалебную песнь в честь ярла!

Бьёрн затянул потуже пояс и вышел из-за стола. В очаге ярко вспыхнул огонь, и огромная тень скальда упала на бревенчатую стену. Громким голосом произнёс он хвалебную песнь. Бьёрн называл ярла отважным викингом, непобедимым воином, меч которого не ведал промаха. Под конец скальд искоса глянул на золото,

¹⁴ Скальд — поэт.



лежавшее грудой перед ярлом, глаза его загорелись, и он закончил песнь такими словами:

— Ярл — щедрый властитель и золотом скальда богато одарит!

— Эту же песнь он произносил после прошлого похода, — прошептал старый Ховард и опустил голову, пряча в бороде улыбку.

— Ярл такого не замечает, — шепнул сосед Ховарду. — Он падок на похвалу, даже если слова и не новы.

Ярл, по-видимому, был глубоко тронут. Он знаком подозвал скальда к себе и стянул с руки золотое запястье.

В дальнем конце гридницы из-за стола поднялся парень, который еле держался на ногах.

— Плохие стихи ты сложил, Бьёрн. Они старые, ты только изменил в них названия мест.

Грудь Бьёрна надулась, словно парус. Глаза под нахмуренными бровями налились кровью. Он подался в сторону юноши, схватил рог с мёдом и выплеснул его в глаза обидчику. Потом выхватил нож.

— Успокойся, Бьёрн! — закричали викинги. — Разве ты не видишь: парень хватил лишнего и сам не помнит, что говорит!

— Он оскорбил меня! — рявкнул Бьёрн. — Даром это никому не проходит!

Парень пригнулся, но Бьёрн оказался проворнее. Нож уже вонзился парню в плечо.

В гриднице начался переполох. Женщины визжали, дети испуганно жались к стенам, кто-то бросился на Бьёрна и скрутил его, другие занялись раненым, который корчился и стонал от боли.

— Пошлите за Вороной! — крикнул кто-то. — Позовите сюда эту колдунью!

Два человека тут же скрылись в темноте. Они поскакали прямо к Злым Горам, где жила Ворона. Её дом назывался Вороньим Гнездом, потому что там жили лишь вороны, облюбовавшие этот склон.

Сигурд задрожал, когда увидел Ворону: сгорбленная, в чёрном платье, большой платок почти целиком скрывает лицо. Сигурд знал, что в мешочке, который Ворона носит на шее, хранятся

